

**Доктор Джим Шпигель, Философия религии,
сессия 6,
Теистические аргументы, часть 5,
Религиозный опыт и его значимость для
теистической веры**

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 6, Религиозный опыт.

Хорошо, мы рассмотрели ряд различных аргументов в пользу существования Бога, способов, которыми можно оправдать свою веру в Бога, чтобы попытаться показать, что она рациональна.

Однако, как выясняется, возможно, большинство людей, которые религиозны или верят в Бога, придерживаются той точки зрения, которую они придерживаются, из-за определенного опыта, который у них был. Так что возникает вопрос, какое значение имеет религиозный опыт для обоснования нашей веры в Бога? Итак, мы поговорим об этом здесь. Является ли религиозный опыт ценным или полезным для построения рационального обоснования христианства или теизма в целом? И если да, то в какой степени? Если нет, то почему? Итак, давайте начнем с вопроса, что такое религиозный опыт? Теперь наш ответ на этот вопрос будет зависеть от нашего понимания религии.

В зависимости от определения религии, широкий спектр переживаний может быть квалифицирован как религиозный, от чувства своего рода единения с природой до опыта самореализации и чего-то более конкретного в плане чувства прямого осознания Бога Библии. Но для многих верующих истинно религиозный опыт следует характеризовать как личную встречу с Богом. Именно так его охарактеризовали бы многие религиозные люди: личная встреча с Богом.

Это то, что религиовед Рудольф Отто назвал нуминозным опытом. Прямое восприятие личного существа, которое свято, хорошо, внушает благоговение, отделено от субъекта и от которого субъект зависит в жизни и заботе. Таково определение нуминозного опыта Отто.

Я думаю, важно подчеркнуть несколько аспектов этого. Один из них заключается в том, что это должно быть каким-то образом личное существо. Мы не просто говорим о какой-то силе или энергии или вселенной в целом.

Мы говорим о личном существе, которое подразумевает некое сознание, осознание и заботу. Существо святое и доброе. В этом существе есть некое моральное качество.

Потрясающе. Здесь есть определенное величие. И отличное или отдельное от предмета.

Это важно. В нуминозном опыте, как его определил Отто, это не просто своего рода косвенный способ переживания собственного я. Мы говорим о существе, которое отделено от нас.

И, наконец, идея, что это существо, от которого человек зависит. Здесь есть чувство зависимости. Это существо, которое является моим источником или причиной моего существования.

Итак, все эти вещи являются частью этой идеи нуминозного опыта. Уильям Джеймс в своей великой классике «Многообразие религиозного опыта» анализирует множество таких опытов. Это увлекательно.

Я настоятельно рекомендую эту книгу. Я действительно считаю, что она остается лучшим научным исследованием этой темы все эти десятилетия спустя. Итак, можем ли мы спорить о существовании Бога, исходя из религиозного опыта? И некоторые пытались делать такие аргументы.

Мы рассмотрим две различные формы, которые принимает аргумент от религиозного опыта. Один из них иногда называют причинным аргументом, который рассуждает от последствий человеческого опыта к существованию Бога как причины. Затем идет аргумент прямого восприятия, который рассуждает о том, что восприятие Бога аналогично восприятию осязаемых физических объектов, которые мы воспринимаем нашими чувствами.

Это аргумент прямого восприятия. Итак, давайте начнем с причинного аргумента из религиозного опыта, рассуждая о последствиях опыта человека, особенно когда в жизни человека происходит драматическая трансформация. Рассуждая от этого к Богу как конечной причине этой трансформации.

Часто бывает так, что люди, которые обратились в христианство или, может быть, в какую-то другую религию, идентифицируют и дают показания об изменениях в своей жизни. Я был таким, а потом пришел ко Христу, обратился и покался. Теперь моя жизнь изменилась во всех этих отношениях. Я отказался от всех этих вредных привычек и пороков, и теперь я живу добродетельным или более здоровым образом, и Бог является причиной этого.

Такого рода свидетельство, по крайней мере, подразумевается во многих случаях, если не явно, является причинным аргументом в пользу существования Бога. Теперь некоторые возражают против этого, что такой религиозный опыт и особенно последующие изменения в жизни можно объяснить психологически и социологически, скажем, с точки зрения типа людей, с которыми новообращенный проводит много времени. А также, идея о том, что просто убеждения, которых человек теперь придерживается, и моральные обязанности или обязательства, которые они, по-видимому, влекут за собой, что это просто оказало психологическое воздействие на человека, и теперь это объясняет, почему он живет своей жизнью так по-другому.

Итак, это были бы психологические и социологические способы натурализации этого отчета. Дж. П. Морленд проделал работу по этому вопросу, рассматривает это возражение и отмечает, что религиозный опыт не исключает психологические и социологические факторы. Тем, кто выдвигает этот причинный аргумент, основанный на религиозном опыте, не нужно отрицать, что здесь есть психологические и социологические причинные компоненты.

Вопрос в том, объясняют ли эти соображения или эти факторы все изменения в жизни человека. Идея здесь в том, что существуют определенные аспекты трансформации человека, которые не могут быть полностью объяснены в чисто психологических и социологических терминах. Морленд также отмечает, что стратегия психологизации или социологического объяснения изменений жизни человека; это становится менее правдоподобным по мере увеличения разнообразия в природе и масштабах религиозной трансформации.

Это разные контексты, в которых люди трансформируются. Опять же, в исследовании Джеймса есть очень широкий спектр контекстов, социально-экономических и культурных, с точки зрения возрастных групп и т. д., а также психологических состояний вовлеченных людей. Когда вы видите одни и те же виды трансформаций, драматические жизненные трансформации, в таком широком спектре социальных и психологических условий, это придает больше правдоподобия утверждению, что здесь происходит что-то сверхъестественное.

И, в-третьих, Морленд отмечает, что христианский религиозный опыт связан с объективными событиями. Мы также можем назвать его интерпретативной сеткой, структурой, посредством которой мы можем интерпретировать явления человеческого опыта. Когда мы рассматриваем эти объективные события, особенно воскресение Христа и историю преобразований от ранней церкви до наших дней, мы действительно приветствуем ожидание того, что подобные преобразования будут продолжать происходить в жизни христиан.

И затем, конечно, Писание дает нам основу для понимания того, что на самом деле происходит, когда происходит религиозная трансформация. У нас есть эти

категории в Писании. Идея греховной природы человека до обращения такова, что они действительно ограничены в плане того, насколько добродетельно они могут жить. И затем, с обращением и вхождением Святого Духа в жизнь человека, они получают возможность и силу жить более добродетельно и достойно перед Богом.

Это своего рода фоновая теология, которая дает нам, опять же, своего рода ожидание, что такого рода трансформации произойдут. И это подтверждает их истинность. Так что это причинный аргумент из религиозного опыта.

Теперь давайте обратимся к аргументу прямого восприятия из религиозного опыта. Это своего рода аналогия между религиозным восприятием или духовным восприятием Бога и более обычными видами восприятия, которые мы испытываем в течение дня, когда видим, слышим, пробуем на вкус, осязаем и обоняем различные объекты в нашем окружении. Итак, идея заключается в том, что человек может утверждать, что, по крайней мере во многих случаях, нуминозный опыт и нуминозное восприятие достаточно похожи на чувственное восприятие, так что мы можем заключить, что первое является подлинным.

Так же, как мы можем видеть и осязать физические объекты напрямую, мы на самом деле можем духовно ощущать Бога. Теперь, этот аргумент, весь анализ с использованием этой аналогии, разработан великим современным христианским философом Уильямом Олстоном, который является эпистемологом, который занимается этим в своей книге «Восприятие Бога». Олстон был одной из ведущих фигур в эпоху Возрождения христианской философии 30-40 лет назад, наряду с такими людьми, как Элвин Плантинга, Мэрилин и Роберт Адамс, и несколькими другими.

Но Олстон утверждает, что существуют потенциально хорошие эпистемологические основания для утверждения, что человек имел прямое опытное осознание Бога. Он приводит доводы в пользу этого, сравнивая две практики, которые называются доксистическими или формирующими убеждения. Это чувственные восприятия, которые можно назвать нуминозными восприятиями, которые также можно назвать мистическими восприятиями.

JP Moreland развил и применил здесь ряд идей Олстона, поэтому я буду опираться на работу Moreland, а также на то, что я представляю. Итак, рассмотрим особенности или основные аспекты сенсорного восприятия. Всякий раз, когда вы смотрите вокруг себя и видите столы и стулья, деревья, камни, траву и облака, что там происходит, когда вы ощущаете мир вокруг себя? Ну, во-первых, обратите внимание, что субъект должен выполнить определенные условия, чтобы иметь возможность сенсорного восприятия.

Человек должен быть в сознании. Он не может спать, должна быть определенная степень внимания, и его органы чувств должны функционировать должным образом. Чтобы видеть ваши глаза и зрительный центр вашей коры головного мозга и эта неврология должны функционировать достаточно хорошо. Итак, субъект должен соответствовать определенным базовым условиям.

Во-вторых, чувственное восприятие касается того, когда оно правдиво, когда оно надежно и аутентично; чувственное восприятие касается или направлено на объект. Объект, который существует независимо от воспринимающего. Так, когда я смотрю в определенном направлении и вижу стул, мое восприятие направлено на этот стул, так сказать, и этот стул существует независимо от меня.

Это не вымысел, который производит мой собственный разум, и он существует независимо от моего разума. В-третьих, чувственное восприятие имеет публичный и личный аспекты. Несмотря на то, что я вижу стул и имею свой уникальный опыт его восприятия, если бы вы были здесь и смотрели на стул с другого угла, он бы выглядел для вас иначе, чем для меня.

Итак, публичный аспект заключается в том, что этот стул доступен для восприятия как вами, так и мной и другими, но в зависимости от нашей точки зрения он будет выглядеть немного по-разному. Существует множество углов, с которых мы могли бы рассматривать такой объект, как этот стул, так что его внешний вид будет немного отличаться от всех этих углов, и он будет выглядеть по-разному в зависимости от освещения и т. д. Таким образом, есть публичный и частный аспекты чувственного восприятия.

В-четвертых, чувственное восприятие допускает различие часть-целое. Не обязательно воспринимать весь объект, чтобы по-настоящему его воспринимать. Опять же, когда я смотрю на этот стул и вижу его, я вижу только определенные его поверхности, которые на самом деле составляют очень малый процент от общей физической структуры стула.

Неважно, насколько тщательно вы осматриваете любой физический объект, на самом деле вы смотрите только на его часть из-за внутренней материи, которую вы не можете воспринять. Так что здесь есть различие часть-целое. То, что вы ощущаете его только частично, даже в небольшой части, не означает, что вы не ощущаете объект по-настоящему.

И, наконец, существуют публичные проверки или тесты на сенсорное восприятие. Как мы можем подтвердить то, что, как нам кажется, мы видим? Действительно ли мы видим? У всех нас был опыт езды по дороге, скажем, на высокой скорости по автостраде, и что-то привлекло наше внимание, и это

похоже, скажем, на оленя. Или на какое-то животное, которое кажется нам необычным в определенном месте.

Эй, ты это видел? Что? Ну, это был олень. Да, я это видел. Ладно.

И это подтверждает, что, да, я не видел ничего. Что олень делает здесь, в центре города или в каком-то странном месте? И вот тогда мы просим подтверждения. Знаете, вау, посмотрите на это.

Что это там делает? Я ехал здесь, в центральной Индиане, несколько лет назад и заметил на одном из деревьев, мимо которых мы проезжали, что-то похожее на белоголового орлана. Я спросил сына, белоголовый ли это орлан. Он сказал, да, это он. Оказывается, и другие видели белоголовых орланов в этом районе, но это было удивительно.

Итак, я задался вопросом, насколько надежным было мое чувственное восприятие в этом случае, и я искал публичного подтверждения, спросив своего сына. И он подтвердил это. Конечно, это не безошибочно, но чем больше людей вы просите подтвердить ваше чувственное восприятие, тем оно надежнее.

Итак, это пять особенностей чувственного восприятия, которые довольно обычны и просты. И как мы увидим, как указывают Олстон и Морланд, эти же самые условия применимы к мистическому восприятию. Начиная с того факта, что определенные условия должны быть выполнены в контексте мистического или нуминозного восприятия.

Субъект должен иметь своего рода, скажем, религиозное или духовное сознание. Что бы это ни было в нас, что позволяет нам духовно воспринимать. И мы могли бы добавить, что должна быть определенная готовность, может быть, даже своего рода склонность, искать Бога.

Может быть, это тоже необходимо. Конечно, готовность откликнуться и способность распознать Бога или, по крайней мере, определенную духовную реальность такой, какая она есть. Однако, для того, чтобы у человека было мистическое восприятие, должны быть соблюдены определенные условия.

Во-вторых, мистическое восприятие направлено на Бога как на свой объект. Так что, когда человек переживает мистический опыт, он, опять же, не просто переживает свое собственное ментальное состояние. Но если оно подлинное, опыт направлен и намеренно направлен на Бога как на свой объект.

В-третьих, мистическое восприятие имеет публичный и личный аспект, как и чувственное восприятие. Другие люди могут ощущать Бога. Другие люди ощущают Бога.

Но ни у кого нет точно моего опыта. Ни у кого нет точно твоего опыта. Вот почему мы любим говорить о религиозном опыте.

Ого, я хочу услышать вашу точку зрения или вашу перспективу. Какова точка зрения, с которой вы находитесь в плане отношений или встречи с Богом? Итак, Бог, так сказать, доступен для восприятия людьми. Но у каждого человека есть уникальный подход или точка зрения на Бога.

В-четвертых, мистическое восприятие допускает различие часть-целое. Не нужно исчерпывающе воспринимать Бога, чтобы по-настоящему воспринимать Бога. И, конечно, было бы невозможно, чтобы кто-либо воспринимал Бога исчерпывающе, потому что он бесконечно великое существо.

Нет конца тому, что мы могли бы узнать или потенциально понять о Боге. Так что, возможно, каждый опыт Бога — это достижение некоего бесконечно малого или ограниченного аспекта Бога, когда вы думаете о встрече с бесконечным существом. В Пятикнижии есть этот дразнящий рассказ, где Моисей спрашивает, может ли он увидеть Бога или иметь какую-то прямую встречу с Богом.

Он сообщил, что, ну, ты не сможешь с этим справиться, верно? Это уничтожит тебя. Это убьет тебя. Так что, я пройду мимо, и я думаю, что у него есть своего рода убежище Моисея, и я покажу тебе мои задние части.

По крайней мере, так это изложено в одном библейском переводе. Задние части Бога или задняя часть Бога или что-то в этом роде. Это просто своего рода намек на божественное существо.

И, конечно, когда Бог проходит мимо, и он получает этот проблеск обратных сторон Бога, это полностью освещает Моисея. И его лицо тогда сияет так ярко, что его собратья-израильтяне даже не могут смотреть на него. Так что положите покрывало на свое лицо.

Вы ослепляете нас, что является мощной демонстрацией или иллюстрацией славы Божьей. Это подействовало бы на этого смертного в той степени, в какой даже краткий взгляд на задние части или заднюю часть Бога оказал бы такое же воздействие на Моисея.

Итак, у него была лишь очень ограниченная прямая встреча с Богом, но он, тем не менее, действительно испытал Бога. И затем, существуют публичные тесты на подлинное мистическое восприятие. И мы можем перечислить некоторые из них.

Одно из них — последовательность. Логическая последовательность. Никакой объект и чувственный опыт, если мы действительно воспринимаем физический объект, не могут быть логически противоречивыми.

Если кто-то подходит к вам и говорит: «Эй, я только что нашел круглый квадрат на тротуаре», это увлекательно. Вы говорите: «Ну, я не знаю, было ли то, что вы нашли, круглым или квадратным, но я знаю, что это не было и тем, и другим одновременно». Это не может быть логически противоречивым.

Должна быть логическая последовательность. Так вот, это так, когда дело касается нуминозного или мистического восприятия. Если оно подлинное, то утверждения о нем должны быть по крайней мере логически последовательными.

Итак, любой, кто говорит, ну, я испытал Бога, Бог одновременно и личный, и безличный. Это было бы самоопровержением или самоподрывом. Может быть, человек действительно испытал Бога, но он просто не знает, как это сформулировать.

Но Бог не может быть одновременно и полностью личным, и полностью безличным существом. Другим тестом на истинное мистическое восприятие является определенное сходство с образцами. И здесь мы говорим об определенной модели, религиозном опыте на протяжении веков.

Мы вернемся к библейским рассказам и переживаниям Бога такими людьми, как Моисей, Иезекииль, апостол Иоанн и Исайя. Если взять всех их в качестве примеров, то все они испытали крайнее смирение. Я знаю Иезекииля, Исайю и Иоанна; я думаю, что все они упали в присутствии Бога, как будто они были мертвы.

Исаия говорит об этом: я распадался, я погиб, я распадаюсь здесь, в присутствии Бога. И Иезекииль и Иоанн оба падают лицом вниз. И так было со многими христианскими мистиками или благочестивыми людьми, которые переживали Бога напрямую на протяжении веков.

Есть своего рода крайнее смирение. И многие, я думаю, правдоподобно утверждают, в терминах прямой встречи с Богом, что это один из признаков подлинного прямого восприятия Бога. Часто, можно было бы ожидать, что мистические или нуминозные переживания, если они подлинны, будут сопровождаться подобными переживаниями в себе и других людях.

Может быть, вы не испытываете такой же интенсивности или такой же степени драматизма в повседневной жизни с точки зрения вашего опыта Бога. Но тип осознания Бога на каком-то уровне должен или может быть ожидаемым, чтобы

повторяться определенным образом в жизни человека. Так что это в жизни одного человека, но затем, глядя на других людей, имеющих похожий опыт, это как раз то, чего вы могли бы ожидать, если бы подобные отчеты были надежными.

И, наконец, в-четвертых, полезные последствия. Последствия такого опыта должны быть хорошими как для субъекта, так и для других людей. Взгляд человека на жизнь должен улучшиться.

Они должны быть наставлены нравственно. Это должно повысить их способность уживаться в мире и хорошо относиться к людям, жить добродетельно, быть более честными, искренними, заслуживающими доверия и так далее. Все добродетели должны, по крайней мере, возрасти в жизни человека. Они должны жить более добродетельно и с большей честностью в результате, если они действительно переживают Бога.

Наконец, должна быть определенная согласованность с писанием. Опыт должен соответствовать этому объективному телу откровения, которое у нас есть.

И снова, есть так много историй о людях, переживших Бога, и об изменениях, которые это привносит в их жизнь. Должно быть что-то сопоставимое с этим в жизни человека, если он действительно пережил Бога. Итак, Олстон и Морленд утверждают, что существует эпистемическое соответствие между чувственным восприятием физических объектов и мистическим восприятием Бога.

Если первое может быть эпистемически надежным как практика формирования убеждений, то, возможно, и второе. Итак, вот некоторые возражения, которые были зарегистрированы парнем по имени Кит Августин. Он утверждает, что аргумент паритета Олстона терпит неудачу из-за, с одной стороны, отсутствия публично применяемых методов расследования для установления природы божественного существа.

Во-первых, одна проблема здесь, и мы могли бы сказать дисаналогия, заключается в том, что мы не можем контролировать эти переживания так же, как мы можем контролировать чувственные переживания. Я могу быть уверен, что когда я вернусь в комнату, у меня будут определенные виды переживаний столов и стульев и так далее. Это предсказуемо, но я не могу делать такие же надежные предсказания, когда дело касается опыта Бога и мистических встреч.

Августин также утверждает, что огромное разнообразие верований о Боге, и, как он говорит, существование в значительной степени несовместимых мистических практик, и отсутствие каких-либо независимых причин для того, чтобы считать какую-либо мистическую практику более надежной, чем любую

другую, что также является причиной того, почему аргумент Олстона терпит неудачу. Итак, вот как я бы ответил на эти два аргумента Августина. Во-первых, что касается отсутствия публично применяемых методов расследования, я думаю, мы могли бы обратиться здесь к писанию, особому откровению, и сказать, что это дает возможности для публичного расследования относительно природы божественного существа.

В Священном Писании есть множество информации, которая дает нам очень надежное понимание природы Бога, и даже если она все еще ограничена, там все еще много информации. Затем мы можем сравнить библейскую концепцию природы Бога с типами утверждений, которые человек может делать о природе существа, с которым он столкнулся в своем мистическом опыте. Затем, когда дело доходит до отсутствия независимых причин для того, чтобы считать какую-либо мистическую практику более надежной, чем любая другая, я думаю, что эта проблема также может быть решена путем обращения к особому откровению.

Вопрос в том, какое из предполагаемых особых откровений является наиболее надежным? Это приводит нас к обсуждению отдельной, но важной проблемы, а именно сравнительного религиоведения, сравнительного религиозного анализа, рассмотрения различных религий и оценки их священных текстов, чтобы увидеть, какие из них, если таковые имеются, являются божественно вдохновленными. Какие веские причины у нас есть, исторические и иные, чтобы верить, что, скажем, писания Ветхого и Нового Заветов являются божественно вдохновленным откровением от Бога? Мы можем задавать те же вопросы об этих текстах, что и о Коране, Книге Мормона, Упанишадах, Бхагавад-гите, высказываниях сострадательного Будды и так далее. Но это отдельная тема.

Это уместно по отношению к тому, о чем мы здесь говорим, но это огромная область исследований, которая имеет последствия для наших мыслей о том, какая религиозная традиция является правильной.

Итак, на этом мы завершаем наше обсуждение религиозного опыта и его значимости для веры в Бога.

Это доктор Джеймс Шпигель в своем учении о философии религии. Это сессия 6, Религиозный опыт.